

КРУГЛЫЙ СТОЛ

**ЭЛИТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА:
ОПЫТ ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА**

Круглый стол организован редакцией журнала «Гуманитарий Юга России» в связи с выходом двух фундаментальных коллективных монографий – *Kaukaz Północny: elity, reżimy, etnopolityka, bezpieczeństwo* / red. nauk. T. Bodio. Warszawa: Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. 365 p. и *Kaukaz Północny: elity władzy i życie Polityczne* / red. nauk. T. Bodio. Warszawa: Instytut Nauk Politycznych Uniwersytetu Warszawskiego, 2014. 431 p. – по итогам выполнения польско-российского проекта. Он стал заметным явлением в кавказоведении и элитологии. В его реализации большая роль принадлежит Институту политических наук Варшавского университета и Институту социологии и регионоведения Южного федерального университета. Публикация монографий прошла накануне 100-летнего юбилея ЮФУ.

В заочной дискуссии по проблемам элитологии Кавказа и перспективам сотрудничества университетов Польши и Юга России приняли участие профессора Тадеуш Бодио (руководитель проекта), Анджей Версбицкий, Яцек Залесный (Институт политических наук Варшавского университета), Анджей Ян Ходубский, Пшемислав Серадзан (Институт политологии Университета г. Гданьск), доцент Е.Ю. Баженова, профессора А.В. Лубский, В.В. Черноус (Институт социологии и регионоведения ЮФУ), профессор А.М. Старостин (Южно-Российский институт управления РАНХиГС), профессор В.Х. Акаев (Комплексный научно-исследовательский институт РАН, г. Грозный).

Материалы круглого стола свидетельствуют о значительном, но пока недостаточно полном использовании конструктивного потенциала современного польско-российского сотрудничества в исследовании проблем Кавказа и Юга России.

Ключевые слова: политические элиты, лидерство, модернизация, Северный Кавказ, польская школа кавказоведения, ростовская элитологическая школа, Варшавский университет, Южный федеральный университет, научное сотрудничество, проекты.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ

© 2015 г.

*Анатолий Владимирович Лубский
Доктор философских наук, профессор
кафедры теоретической социологии
и методологии региональных исследований
Института социологии и регионоведения
Южного федерального университета*

Политическая элита в России является предметом исследования в различных научных дисциплинах. Однако эти дисциплины, ограниченные в своем методологическом репертуаре, дают одностороннее представление о российской политической элите. В связи с этим в рефлексивном методологическом сознании усилилась когнитивная потребность в холистском когнитивном «реванше», направленном на целостное изучение политической элиты в России. Решение проблемы преодоления односторонности дисциплинарных научно-исследовательских практик можно увязать с формированием взаимно пересекающихся полей мульти-, интер- и трансдисциплинарных исследований, где в изучении политической элиты происходит встреча различных научных дисциплин, между которыми возникают взаимные методологические влияния, наводятся мосты теоретического взаимодействия.

Одной из тенденций развития социальных и гуманитарных наук в постсоветской России было широкое распространение в них интеллектуально-когнитивных мод, связанных с представлением о том, что элитарная наука существует только на Западе, и, следовательно, она должна быть объектом интеллектуального подражания. В результате многие российские ученые, изучая политическую элиту в России, стали механически использовать теории и понятийный аппарат западной академической науки, сложившиеся в другой когнитивной среде и при изучении иных культурно-исторических реалий. При этом они не обращали внимание на то, что эти теории, основывающиеся на ином социокультурном и политическом опыте, «не всегда могут быть экстраполированы на другие страны». Некоторые из этих теорий, как отмечают сами зарубежные исследователи, «оказались невалидными при проверке в других национальных условиях». Не всегда учитывается

и методологическое предостережение П. Фейерабенда, который отмечал, что «словари и переводы являются весьма неудачным способом вводить понятие языка, синтаксис которого существенно отличен, например, от английского, или от идей, которые нельзя “подогнать” под западноевропейский способ мышления». Разумеется, это не является поводом к индигенизации российской элитологии. Это не означает также, что теории и понятийный аппарат западной академической науки не могут быть использованы при изучении российской политической элиты, но такое использование предполагает предварительную социокультурную и эпистемологическую экспертизу их методологических возможностей.

Кроме того, элитогенез на Северном Кавказе имеет существенные отличия от общероссийского процесса, хотя и развивается в его русле, но учитывается это в российской элитологии недостаточно или упрощенно, абсолютизируя клановость местных обществ.

Концептуальный анализ современных научно-исследовательских практик позволяет выделить две доминирующие модели в изучении политических элит в России – классическую и неклассическую, представленных, соответственно, властным (структурно-функциональным) и меритократическим (нормативно-ценностным) подходами.

Классическая модель элитологических исследований базируется на принципах реализма и методологии, основу которой составляют «парадигма власти» и «парадигма интересов».

Представителей неклассической модели элитологических исследований волнует утрата в научном познании человека как социального субъекта, поэтому их интересует не элита как социальная группа, а непосредственно ее представители, не властные возможности элиты, а способности ее представителей выполнять властные функции и участвовать в принятии общезначимых решений.

Методологическая стратегия этой модели ориентирует исследователя на выделение элит в социальной иерархии общества на основе их особых способностей и эффективности деятельности, понимание их ценностных ориентаций и характера символического капитала власти, которым они обладают, а также их деятельности по созданию и распределению ценностей в обществе.

Необходимость преодоления методологических односторонностей в изучении российской политической элиты предполагает разработку многомерных методологических конструктов в рамках неклассической модели элитологических исследований, основу которых составляет принцип конструктивного реализма.

Один из таких методологических конструктов, направленных на преодоление эвристической ограниченности структурно-функционального (властного) и ценностного (меритократического) подходов в изучении российской политической элиты, предлагается в рамках интегративного субъектно-деятельностного подхода.

С позиций этого подхода признается примат деятельности элиты над социальными структурами, поэтому элита рассматривается в первую очередь как действующий субъект, обладающий ресурсами социального действия в виде различных форм капитала, ставит цели, владеет стратегиями их достижения, реализуя себя в политической деятельности.

Определенные перспективы в изучении политических элит в России раскрывает «рефлексивный поворот», методологически ориентирующий исследователя на изучение трансформаций рефлексивности действующих субъектов, выступающих посредником между социальной структурой и социальной деятельностью, ведущей к переопределению социальных ситуаций и переструктурированию социальных отношений.

В ЧЕМ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ КАВКАЗОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ?

© 2015 г.

Анджей Ян Ходубски

*Профессор политических наук,
заведующий кафедрой науки о цивилизации,
главный редактор журнала «Цивилизация и
политика» (Университет г. Гданьск)*

Научное изучение каждого культурного и цивилизационного пространства нуждается в учете не только правил явлений и конкретных процессов, но также их различий. Северный Кавказ требует особого внимания из-за своей цивилизационной и культурной сложности. На невеликом, но географически разнообразном пространстве наблюдаются огромное этническое, религиозное разнообразие, различные формы правления, обычаи и традиции. Данное пространство в классификации политической географии диверсифицировано. Методология

исследований, которая выражается в определении и объяснении культурных явлений и процессов, а также в их целостном восприятии, в философской рефлексии показывает малую ценность моделей, разработанных в западноевропейском пространстве для изучения Северного Кавказа.

Об этом свидетельствуют: 1) различия в восприятии политической свободы. Различные этнические группы на Северном Кавказе высоко ценят политическую свободу. При этом проявляют официальную маску политкорректности. Они имеют острое чувство свободы, которое коренится в наследии прошлого. Навязываемые модели политической организации европейского пространства воспринимаются как чужие. Локальность в политической жизни обладает необыкновенной силой; 2) сильная связь между культурной жизнью и исламской религией. Ислам не является лишь дополнением к культурной жизни цивилизации, но играет роль ценности, фундаментальной для формирования социально-политических отношений, подходов, моделей поведения, ценностей; 3) в картине культурной жизни Северного Кавказа с большой силой проявляется привязанность к наследию прошлого. Процессы глобализации, в том числе типичные для них модели отношений, поведения, социально-политических устремлений, воспринимаются как структуры, навязываемые сверху. Их вторжение генерирует конфликты; 4) эндогенная (внутренняя) реальность отдельных политических образований (республик) показывает приоритет над экзогенным порядком (внешние отношения, международная реальность). Международный порядок как культурное пространство играет маргинальную роль; 5) в данной культурной реальности, кроме давних традиций, обычаев, привычек, важное значение имеют также глубокие этнические противоречия. В ситуации современных глобальных изменений (так называемой политической трансформации) население Кавказа не одобряет изменений в функционировании традиционных структур. Рассматривая пространство Кавказа с точки зрения методологии, необходимо воспринимать его с учётом мифов и стереотипов, которые играют важную роль в его культурной и цивилизационной жизни.

Методологической задачей кавказоведческих исследований является необходимость правильного восприятия социально-политической реальности после революционных перемен, которые происходили с 1917 г. В этих процессах большую роль играют феномены социальной и политической психологии.

В сравнительных исследованиях, однако, проявляется необходимость относить общественно-политическую реальность, например, в сфере управления, к политическим моделям в различных частях мира.

Кавказоведческие исследования с точки зрения методологии требуют: 1) восприятия культурных явлений в долгосрочной перспективе; 2) ориентации на исследование «мягкой» культурной реальности, в том числе политической культуры, общественного сознания, системы ценностей; 3) восприятия явлений и процессов с точки зрения качественного подхода, например в рамках тематических исследований.

НАСКОЛЬКО ЗАПАДНАЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭЛИТ АДЕКВАТНА СОВРЕМЕННЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССАМ НА КАВКАЗЕ?

© 2015 г.

Тадеуш Бодио

*Профессор Варшавского университета,
заведующий кафедрой восточных
исследований, председатель научного
журнала «Новая восточная политика»*

Это фундаментальный вопрос, которому в течение многих лет я уделяю много внимания, что нашло отражение в публикациях. Отмечу только, что в 2009–2010 гг. я совместно с коллегами осуществлял исследовательский проект, результаты которого были представлены в книге «Лидерство, элита и трансформации в странах СНГ. Проблемы методологии исследования» (Варшава, 2010, 569 с.) Данная работа представляет сильные и слабые стороны методологии исследования элит и поднимает вопрос адекватности методологии, разработанной на Западе, для исследования модели лидерства и элит на постсоветском пространстве, в том числе на Кавказе. Сильные стороны данной методологии являются очевидными, поэтому из-за ограниченного времени основное внимание будет уделено нескольким причинам ее слабости.

Во-первых, эта методология, особенно в 90-е гг. XX в., чревата европоцентризмом и связанной с ним парадигмой «трансформации-демократии», которая заранее предполагает окончательный результат политических перемен. Неудачные попытки некритического подража-

ния западным образцам на постсоветском пространстве негативно верифицировали познавательную ценность некоторых политологических концепций. Эта ситуация для многих российских ученых стала причиной, по которой стали скептически относиться к западной политологии, в частности, ее предсказательным возможностям в области исследования лидерства и политических элит. Этот скептицизм явно возрос после волны т.н. цветных революций, концепции которых были построены на хрупком основании, без хорошей диагностики реалий, механизмов власти, политической психологии и т. д.

Во-вторых, европоцентризм иногда переплетался с политической прагматикой, попытками коммерциализации науки и деятельности псевдонаучных центров, проводящих исследования по политическому заказу. Хотя не стоит переоценивать такие маргинальные ситуации, однако они оказали влияние на предпочтения в области исследовании моделей лидерства и политических элит.

В-третьих, слабостью методологии в течение многих лет была недооценка специфики Кавказа, этнополитических реалий и особенностей, исторических традиций, политической психологии и т. д. Специфика Кавказа: следует отличать маски от лиц, дистанцироваться от стереотипов и предрассудков, проникнуть в реалии жизни, в том числе и скрытые под поверхностью повседневной политики.

В-четвертых, надо учитывать, что многие теории и методологические концепции, в том числе терминологический аппарат, которые касаются элит, были построены в других исторических условиях и для определенной цели, не все из них характеризуются универсальностью. В литературе можно встретить попытки использования этих теорий и концепций в изучении элит Кавказа, а затем они подвергаются критике – это недоразумение.

Формулируя оценку западной методологии, стоит отметить ее мобильность и открытость к критической проверке ряда подходов к изучению политической элиты. Это было видно в первом десятилетии XXI в., когда были отброшены или изменены многие концепции трансформации. Произошло переосмысление некоторых парадигм, появились новые научные подходы, указывающие, что трансформация может приводить к авторитаризму, а демократия может проявляться в различных формах и пределах.

Стоит также отметить, что названные недостатки методологии являются вызовом также для российских исследователей, многие из которых используют теоретический и методологический потенциал западной политологии в изучении элит Кавказа и не только. Здесь сле-

дует сделать вывод, что некоторые российские методологические концепции изучения политической элиты также не являются свободными от ограничений как по мериторичным, так и другим причинам. В свою очередь, оптимистически выглядит факт чрезвычайно динамичного развития элитологии, разных направлений и методологических ориентаций, что, в частности, показали первый Всероссийский элитологический конгресс в октябре 2013 г. и второй Форум историков-кавказоведов, на котором был принят этический кодекс, который в своих установках выступает против фальсификации истории Кавказа, манипуляционных технологий, а также призывает к надёжности и достоверности научных исследований.

Я хотел бы подчеркнуть, что группа учёных кафедры восточных исследований Института политических наук Варшавского университета, которой я руковожу, уже в начальной стадии трансформации определила вышеуказанные и другие недостатки элитологической методологии и последовательно стремится к их устранению, о чём свидетельствуют публикации, касающиеся, в частности, элит в странах Центральной Азии. Мы представляем мнение, что в процессе улучшения методики исследований элит Кавказа важную роль играет директива трансгрессии. Данная директива указывает необходимость выйти за рамки традиционных, общепринятых схем, критически воспринимать собственные концептуальные достижения, проявлять открытость к новым парадигмам и искать новые методологические конструкции проектирования и объяснения специфики элиты Кавказа.

Достижению данной цели способствует научное сотрудничество, своего рода диалог, который позволяет смотреть извне и изнутри на кавказские элиты – именно то, что мы делаем совместно с представителями ростовской элитологической школы, а также учеными из региональных научных центров. Такой подход, диалог с нашими партнерами, которые лучше всех понимают Кавказ и его специфику и у которых есть достижения и исследования на мировом уровне, даёт шанс преодолеть многие исследовательские стереотипы и разработать адекватную методологию. Результаты этого процесса уже очевидны. Примером здесь является коллективная монография «Северный Кавказ: элиты, режимы, этнополитика, безопасность» (Варшава, 2014, 365 с.), содержащая главу, посвященную исключительно методологии исследования кавказских элит.

В заключение я хотел бы подчеркнуть, что последние десятилетия трансформации создают хорошие условия для критического обзора существующей теоретической и методической базы исследования элит

Кавказа и попытки создать концептуальный и методологический синтез существующих исследований. Такой синтез может принести много новых идей, тем и вдохновения для разработки новых парадигм, подходов и методов исследования трансформации политической элиты. Это один из важных вызовов для политологов и социологов.

© 2015 г.

Пшемыслав Серадзан
*Кандидат политических наук,
Институт политологии
Университета г. Гданьск,*

Подход к исследованию современных политических процессов на Кавказе, который доминирует в научном сообществе стран Запада, имеет, на мой взгляд, как свои сильные стороны, так и недостатки.

Общественные науки далеко не однородны. На кафедрах западноевропейских и американских университетов постоянно сталкиваются разнообразие подходы, методы и доктрины.

Среди различных методологических течений я хотел бы привести примеры двух, которые, на мой взгляд, представляют собой ценность для исследователя Кавказа.

С 30-х гг. в англосаксонской науке развивается интересное направление – политическая антропология, истоки которой связаны с работами британского этнолога и антрополога Эдварда Эванс-Притчарда. Политические антропологи в первых послевоенных десятилетиях исследовали родственные и племенные связи, пытаясь ответить на вопрос о происхождении социального феномена, которым является политическая власть. С 80-х гг. важной темой рассуждений являются этническая идентичность и взаимные отношения между этническим фактором и возникновением политического национализма. Важную роль сыграли здесь фундаментальные труды Бенедикта Андерсона, посвященные нациям, воспринимаемым как «воображаемые сообщества». Данный подход, как кажется, можно успешно использовать, изучая современные политические процессы на Северном Кавказе, например, возрождение черкесского, чеченского и ингушского национализмов.

Среди западных теоретиков, учение которых можно адаптировать для изучения современного Кавказа, я хотел бы назвать имя Иммануила Валлерстайна, основоположника «мир-системного анализа», созданной под влиянием французского историка Фернана Броделя. Данный подход исследует социальную эволюцию систем обществ, воспринимая их холистски, как взаимно связанную структуру. Этот подход является, как кажется, правильным в исследовании цивилизационного пространства Кавказа, которое, с одной стороны, имеет свой уникальный характер, но с другой – сейчас находится между Европой, Центральной Азией и Ближним Востоком и исторически находился во власти различных великих держав: Османской империи, Персии и России.

Конечно, сообщество учёных не монолитно, и было бы неправильно рассматривать их как однородную группу. Однако анализ доминирующих трендов в исследованиях Кавказа (и в более широком смысле – всего постсоветского пространства) позволяет заметить некоторые недостатки, которые совершает часть ученых.

В восприятии Кавказа существует огромное количество предрассудков, стереотипов и неправильных представлений, которые Эдвард Саид, выдающийся теоретик постколониальных исследований, описывал как «ориентализм». На мой взгляд, это глубоко неправильный подход.

Проблемой является отсутствие четкой границы между наукой и журналистикой. В результате исследования политических элит иногда принимают форму идеологических манифестов (т.н. Think Tank, связаны с политическими партиями). К сожалению, некоторые ученые некритически ссылаются на такие материалы.

Я не хочу обобщать, потому что любое обобщение несправедливо и выражает лишь часть истины. Среди западных ученых есть замечательные исследователи, создающие вдохновляющие работы и для изучения Кавказа.

На мой взгляд, исследователь современных политических процессов Кавказа должен следить за развитием методологии западной политологии и этнологии. Данные методы стоит использовать и для изучения региона, но стоит это делать внимательно, имея в виду факт, что они были созданы в другом культурном пространстве.

© 2015 г.

Яцек Залесны

*Доктор Института политических наук
Варшавского университета*

В англоязычной литературе сложно было бы назвать новаторские, глубокие публикации, касающиеся процессов, происходящих на Кавказе, что также связано со спорным характером политических решений западноевропейских государств относительно Кавказа. Данное фактическое положение вещей тесно связано со слабостью западноевропейских методологий исследования процессов, существующих на Кавказе. Можно утверждать, что результатом применения упрощенной методологии, непонимания сложности локальных условий являются выводы, не адекватные кавказской реальности и в связи с этим мало-пригодные.

Продолжение в следующем номере (№ 2 2015 г.)